

УДК 172; 304.4; 355.01

ВОЙНЫ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ: СИМУЛЯКР ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

И.В. Степанов*, Т.Г. Стоцкая**

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара

**ФГБОУ ВО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», г. Самара

Статья посвящена философскому анализу концептуальных представлений Жана Бодрийяра о характере войн и смерти в обществе потребления. Опираясь на сочинения французского философа, авторы раскрывают смысл его основной идеи, направленной на рассмотрение природы современных вооруженных конфликтов как части гиперреальности. Особое внимание уделяется критике теоретических оснований и практического применения концепции Бодрийяра.

Ключевые слова: война, симулякр, симуляция, общество потребления.

Современный среднестатистический обыватель, живущий в достаточно комфортных условиях растущего потребления на территории, условно называемой «цивилизованным севером планеты» (США, Канада, Европа, Япония, в значительной степени Россия и Китай, т.е. страны, сконцентрировавшие в своих руках большую часть природных, финансовых, технологических и военных ресурсов), слышит о вооруженных конфликтах постоянно. Парадокс ситуации состоит в том, что сам комфорт потребительской культуры способствует попыткам изгнания войны и смерти из символического поля, связанного с обоюдным физическим насилием, в символическое поле, связанное с медиализацией этого насилия, вызывая соблазн воспринять препарированный телевидением, радио и интернетом вооруженный конфликт в качестве симулякра: «Нам это показывают, но мы не уверены, что это – правда». К сожалению, подобный соблазн не обошел стороной и философию в лице одного из крупнейших мыслителей второй половины XX – начала XXI в. Жана Бодрийяра.

Основные положения концепции Бодрийяра, изложенные в многочисленных работах, из которых наиболее значимыми считаются «Система вещей», «Символический обмен и смерть» [3], «Общество потребления» [1] и «Симулякры и симуляции» [4] сегодня достаточно хорошо известны. Поэтому остановимся на них кратко.

Бодрийяр отталкивается от разработанной им идеи постепенного тотального обращения реальности в сочетание симулякров, т.е. знаков, не имеющих объекта, который они обозначают: «Прибегать к диссимуляции – это значит делать вид, что вы не имеете того, что у вас есть. Симулировать – это значит делать вид, что у вас есть то, чего вы не имеете» [4, с. 7–8].

Симуляция как совокупность методов конструирования образов представляет собой противоположность репрезентации. В основе симуляции лежит принцип отказа от всякой референтности (отсылки) к чему-либо более фунда-

ментальному, чем сам знак, в то время как оплотом репрезентации служит принцип эквивалентности реальности и представляющего ее знака.

В «Симулякрах и симуляции» Бодрийяр выделяет четыре фазы развития образов при их обращении в симулякры:

1) образ отражает фундаментальную реальность (преобладает репрезентация);

2) образ маскирует фундаментальную реальность (симуляция и репрезентация находятся в явной оппозиции, но при этом наблюдается своеобразный «паритет»);

3) образ маскирует отсутствие фундаментальной реальности (репрезентация, представленная в гипертрофированном виде, становится элементом симуляции, порождающей гиперреальность);

4) образ не имеет отношения к реальности, становясь симулякром (симуляция окончательно забывает о том, что она «симуляция»; гиперреальность полностью вытесняет реальное).

Переход к третьей и четвертой стадиям Бодрийяр связывает с информатизацией социума, превратившегося в общество потребления. В основе любой экономики лежит символический обмен: «Символическое – это не понятие, не инстанция, не категория и не “структура”, но акт обмена и *социальное отношение, кладущее конец реальному*, разрешающее в себе реальное, а заодно и оппозицию реального и воображаемого» [3, с. 241]. Однако в отличие от собирательского, охотничьего, сельскохозяйственного способов производства, испытывающих реальный дефицит ресурсов, а потому сохраняющих символическую базу для их обмена (натуральный обмен, потлач), общество потребления тщательно маскирует наличие символического дефицита, скрывая его за кажущимся изобилием символов, ни один из которых не обладает подлинным содержанием. В товар превращаются любые чувства, желания, переживания, в которых потребитель постоянно ощущает нехватку. Последним оплотом реальности остается смерть. Именно она становится для Бодрийяра точкой опоры для философской стратегии пересимулирования симуляции: «Может быть, изобретать симулякры логически (или алогически) высшего порядка, более высокого, чем нынешний третий, выше всякой детерминированности и недетерминированности – но будут ли это еще симулякры? На более высоком уровне, чем код, пожалуй, оказывается одна лишь смерть» [там же, с. 45]. В этом контексте анализ произведений французского философа носит сложный и, вместе с тем, двойственный характер, поскольку Бодрийяр фактически не отделяет теоретическую часть (еще смутно просматриваемую в ранних сочинениях) от перформативного акта (явно преобладающего в поздних работах).

Наиболее ярким примером, иллюстрирующим концептуальный подход французского философа к современным войнам и военным акциям, можно считать два цикла статей – «Войны в Заливе не было» и «Дух терроризма».

Статьи первого цикла, посвященного анализу войны в Персидском заливе 1990 – 1991 гг., носят подчеркнуто парадоксальный и провокационный характер: «Войны в Заливе не будет», «Война в Заливе идет на самом деле?», «Войны в Заливе не было». Уже из названий видно, что Бодрийяр не стремится восстановить истину, а предлагает рассматривать события в свете их невозможности: «Доказывать невозможность войны именно в тот момент, когда она вот-вот должна произойти, когда все больше накапливается признаков ее

наступления, это глупое пари. Но еще более глупо было бы упустить такую возможность» [2, с. 21]. Ключевым концептом всего цикла является «апотропия». Этим термином французский философ обозначает сдерживание противника путем симулятивного устрашения, в некоторых случаях приобретающего мягкую форму разубеждения.

В первой статье Бодрийяр пытается пересимулировать симуляцию, представляя события оккупации Кувейта и последовавших протестов со стороны арабских стран и Запада как спектакль, который разыгрывают Саддам Хусейн и его оппоненты, внушая в первую очередь самим себе иллюзию возможности серьезного военного столкновения, которое не может состояться: «Апотропия прошла повсюду и не пощадила никого. Как и политики, военные уже не знают, что делать с их реальной функцией – функцией смерти и разрушения» [там же, с. 20].

Вторая статья была написана Бодрийяром после принятия решения США и их союзников о проведении операции против Ирака. Хотя уже имеет место угроза массового организованного обоюдного физического насилия, французского философа данное обстоятельство несколько не смущает, поскольку происходящие события, с точки зрения его философской позиции, следует трактовать в духе рекламной кампании: «На основании доступных нам данных (избыток комментария при недостатке образов) можно предположить, что мы имеем дело с широкомасштабной рекламной кампанией, вроде той, которая нахваливала когда-то бренд (GARAP), а что за продукт за ним скрывался, так никто и не узнал» [там же, с. 21]. Согласно Бодрийяру, эта кампания лишена даже подобия подлинности конкурентного характера, поскольку от происходящего выигрывают обе стороны: «Проиграет или же нет, Саддам гарантированно получит ореол [label] неповторимой харизматичности. Победит или же нет, американское оружие получит ореол технологически не имеющего равных» [там же, с. 22].

После таких выводов не стоит удивляться, что в третьей статье сами сражения Бодрийяр издевательски изображает в виде фарса, за которым в лучшем случае лежит видимость военных маневров: «Быть может, поэтому оба противника так и не встретили друг друга лицом к лицу: первый – потерявшийся в своей виртуальной войне, заранее обреченный на победу, второй – окопавшийся в своей традиционной войне, заранее обреченный на поражение. Они ведь даже не переглянулись: когда американцы наконец-то появились из-за своей огневой завесы, иракцы уже скрылись за своей дымовой завесой» [там же, с. 62]. Причем видимость произведена не глубокой продуманностью, а невозможностью того, что следует назвать реальным военным столкновением из-за технологической и организационной несопоставимости сил противников.

В итоге, согласно французскому философу, войну с Ираком выигрывают не США и их союзники, а охватившая всех участников иллюзорного конфликта симуляция, приобретающая форму апотропии. В общем и целом конфликт в Персидском заливе представляется Бодрийяру пародией на «горячие» вооруженные конфликты и Холодную войну одновременно: «После горячей войны (кровавый конфликт), после холодной войны (равновесие страха) настало время мертвой войны – размороженной холодной войны, которая не оставила нам выбора, кроме как схватиться с трупом войны, сделала неизбежным контакт с этим разлагающимся мертвецом, кото-

рого уже никому в Заливе не воскресить» [там же, с. 13]. Эта «не-война» соответствует третьей стадии развития образов и заключается в исчезновении практики объявления военных действий, манипуляциях с заложниками, непрекращающемся политическом торге, террористических актах, вооруженных атаках технически оснащенных армий, сводящих риск смерти собственных военнослужащих почти к нулю, и, главное, в информационных баталиях с широким использованием СМИ, в пылу которых стороны сами забывают, где ложь, а где правда. Именно информационная революция XX в. стала основой обращения войны в пародию на саму себя, дав возможность замещения реальности гиперреальностью.

Цикл статей «Дух терроризма» посвящен событиям 11 сентября 2001 г. Начало цикла вроде бы внушает надежду, что взрывы башен-близнецов приносят толику реальности в мир, поглощенный симулякрами: «В случае с терактами в нью-йоркском Всемирном торговом центре мы имеем дело с событием абсолютным, настоящей “матерью” событий, событием в чистом виде, которое сконцентрировало в себе все те события, которые так никогда и не произошли» [там же, с. 96].

Однако Бодрийяр не был бы самим собой, если бы и здесь не попытался пересимулировать симуляцию посредством приманивания читателя частичкой реального. Французский философ привлекает термины из сферы психоанализа, абреакцию (повторное переживание травмы, имеющее целью вывести избыток сдерживаемых эмоций) и фасцинацию (завороженность событием), изображая взрывы в качестве формы борьбы глобального порядка потребления со своим собственным всеисилием: «С каждым разом, от одной войны к другой, мы все больше приближались к мировому порядку. Сегодня этот порядок, практически подошедший к своему концу, сталкивается с антагонистическими силами, которые рассеяны внутри самого глобализма и которые проявляются во всех современных общественных потрясениях. Фрактальная война всех отдельных клеток, всех сингулярностей, которые восстают в качестве антител» [там же, с. 102]. По Бодрийяру, терроризм конца XX – начала XXI в. представляет собой насилие собственной смерти, т.е. единственный вид насилия, который любая глобальная система (в данном случае глобальная система потребления, подкрепленная гуманистической универсалистской верой в права человека) не в состоянии осуществить. Эта глобальная система, устанавливающая монополию на разграничение Добра и Зла, оказывается бессильной противостоять элементарной готовности смертника пожертвовать собой ради того, что превышает, с точки зрения этого субъекта, ценность человеческой жизни (гордость, веру, славу).

У глобальной системы не остается другого выхода, кроме того, как отнестись к неизбежному продукту собственного всеисилия, т.е. к терроризму, как к абсолютному злу, а не как к действительному врагу, в отношении которого работают юридические практики. Бодрийяр иронически замечает, что альтернативой террористу мог бы стать только Бог: «Предъявить обвинения Богу – вот благородное дело, к тому же на то есть масса оснований: он слишком много знает, но отказывается давать показания, – а это уже нелегальное обладание (хранение) истиной; в своем надувательстве он дошел до того, что заставил нас поверить, что его не существует – создание фиктивных рабочих мест; оставление места происшествия – не существуя, он все же нашел способ ис-

чезнуть» [там же, с. 186]. Но в отсутствие намеков на Божественное Провидение обыватель, включенный в глобальную систему символического обмена во все более виртуализирующейся среде (чтобы стать по-настоящему глобальным, событие должно прежде стать виртуальным), обречен в каждом происшествии видеть акт терроризма: «Именно сам порядок принуждает нас к такому неограниченному восприятию терроризма, поскольку малейшее происшествие, в том числе природные катаклизмы, тут же преподносят как террористическое проявление: то, что было лишь физическим явлением, становится нарушением мирового порядка» [там же, с. 185–186].

Фрактальная война как бы завершает цикл симулякров, отражая переход к четвертой стадии развития образов (симуляция окончательно забывает о том, что она является всего лишь симуляцией, т.е. и общество потребления и террористы забывают, что террор порожден потребительским переизбытком символов): «Всемирный заговор жертв и палачей, всемирный заговор Зла со Злом: мы сталкиваемся с идеей Зла, которым манипулируют силы Добра (Буш-Кентавр) в тени наибольшего общего знаменателя террора» [там же, с. 187]. Но, одновременно с этим, структуры власти продолжают бояться мгновенной физической смерти, разрушающей привычный им порядок симулякров, связанных со второй и третьей стадиями развития образов: «Перед лицом простого символического “шантажа” (баррикады 1968 года, захват заложников) власть распадается: раз она живет моей медленной смертью, то я ей отвечаю моей насильственной смертью. Потому-то мы и мечтаем о насильственной смерти, что живем смертью медленной» [3, с. 106–107].

Остается основной вопрос: «Каким образом концепция Бодрийера может быть использована для понимания проблем, связанных с обществом потребления и войной?» Несмотря на ее оригинальность и распространенность, с нашей точки зрения теоретическое применение данной концепции носит крайне узкий характер.

Во-первых, французский философ создает систему, закрытую для теоретической критики. Поскольку собственные выводы объявляются симуляцией, вопрос о критическом подходе как бы отпадает. Концепция симулякров на все может дать ответ, но ничего не может предотвратить. В этом смысле она является завершением французской постмодернистской традиции XX в. в лице Фуко и Делёза. Фуко меняет субъект и предикат знаменитой фразы Клаузевица, превращая политику в продолжение войны иными средствами, продолжая, тем не менее, сохранять дистанцию между генеалогическим анализом и перформативным политическим жестом [6]. Делёз в «Трактате о номадологии» еще более свободно обращается со словом «война», обозначая этим словом конкуренцию общественных и государственных институтов и связывая ее, ни много ни мало, с вооруженными конфликтами между кочевниками и оседлым населением. Общество, объявленное «машиной войны», как бы растворяется в перманентно протекающем вооруженном конфликте [7]. Для Бодрийера же не существует различий между анализом и политическим высказыванием.

Тем не менее французский философ в своей экономической и военной теории ориентируется на вроде бы нелюбимый, но, как оказывается, единственно возможный для него европоцентристский подход. Никак не учитываются те стороны системы производства, которые, охватывая сектора реальной экономики (сельское хозяйство и индустриальное производство), создают ре-

сурсный фундамент общества потребления. Концепция Бодрийяра в принципе исключает возможность рассмотрения культур Африки, Южной Америки, Азии в качестве самостоятельных символических единиц. Она позволяет лишь включить их в контекст гипертрофированного потребительского обмена. То же самое происходит с войнами, которые, оставаясь в рамках данной концепции, невозможно ни дифференцировать, ни логически анализировать, а можно лишь представлять в качестве очередных симулякров разного порядка, символически обмениваемых друг на друга. Остается, однако, вопрос: «А кто обменивает эти симулякры?» Вроде бы люди. Но физическая смерть не поддается окончательной симуляции согласно выводам самого Бодрийяра. Иными словами, теоретически концепция французского философа в отношении войны замыкается в самой себе, проясняя лишь вопросы о возможных, а далеко не всегда действительных способах работы масс-медиа с материалами, относимыми к области вооруженных конфликтов, с возможным смертельным исходом для участвующих в них лиц.

Более интересен подход Бодрийяра с точки зрения его практического применения в качестве философской стратегии. На наш взгляд, такая стратегия может и должна быть в ряде случаев противопоставлена стратегии геополитического дискурса с его засильем «серьезной» милитаристской тематики (например, в телевизионных дебатах). Тем не менее ограниченность применения данной стратегии очевидна, поскольку интеллектуальные круги и массы в США и Франции (там, где популярность Бодрийяра наиболее высока), не говоря уже об общественности других стран, так и не преодолели посредством пересимулирования симуляции вполне реальный страх перед физической войной, а информационные баталии не поглотили организованное обоюдное физическое насилие. Данную стратегию вряд ли можно применить на встрече ветеранов иракских, чеченских да и любых других «горячих» войн без морального и физического ущерба для самого себя и окружающих.

С целью выработки альтернативы симуляционной интерпретации войны хотелось бы вернуться к основополагающей идее Бодрийяра о смерти, как о пределе возможности кодирования символов. Мы полагаем, что Бодрийяр, рассматривая общество потребления в качестве коллективного тела, отмежевывающегося от собственной коллективности (в отличие от первобытных обществ, воспринимающих коллективность в качестве основания самоидентификации), проходит мимо важного обстоятельства, вызванного к жизни прежде всего информационной революцией.

Виртуализация реальности, вопреки выводам Бодрийяра, не поглотила полностью тело общества потребления, а расколола это тело на две части, слабо связанные друг с другом. С одной стороны, сегодня продолжает существовать социально-биологическое тело со всеми его экзистенциальными страхами перед смертью и организованным физическим насилием в форме войны, с другой стороны, формируется символическая виртуальная телесность, перерабатывающая массив переживаний в огромный поток информации. Смерть, тем не менее, плохо поддается такой информатизации. Интернет-странички физически умерших людей не могут длительное время существовать в рамках сохранения иллюзии наличия того самого человека, которого больше нет.

Именно поэтому в наше время отношение обывателя «цивилизированного севера планеты» к войне отличается ярко выраженной двойственностью: с

одной стороны, физическая война пугает людей, которые от такой войны отгораживаются, представляя ее как нечто далекое и даже нереальное; с другой стороны, современный человек легко оперирует различными военно-стратегическими словосочетаниями в рамках повседневного общения, обозначая столкновения любого уровня, будь то бытовой спор, экономическая конкуренция, выбор способов и материала подачи информации в СМИ, словом «война» [5, с. 3].

К сожалению, сегодня физическое участие в «горячей» войне хотя и может рассматриваться сквозь призму героики, но чаще, подобно некоторым видам психических отклонений и уголовных преступлений, служит даже не символом, а лишь знаком слияния медицинской и социальной «не нормы». Именно последнее обстоятельство, пожалуй, наиболее остро ставит вопрос об альтернативе той концепции, которую выдвинул Бодрийяр. Такой альтернативой может стать контекстуальное различие (в духе позднего Витгенштейна) языковых игр (форм жизни), относящихся в первую очередь к практикам социально-биологических тел, с теми языковыми играми (формами жизни), при рода которых относится к области виртуальной телесности.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 272 с.
2. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016. 224 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
5. Степанов И.В. Введение в философию войны. Самара: Инсома-пресс, 2014. 206 с.
6. Фуко М.П. Нужно защищать общество. М.: Наука, 2005. 312 с.
7. Deleuze G., Guattari F. Traite de nomadologie: La machine de guerre // Mille plateaux. Paris: Minuit, 1980. P. 434–521.

WARS OF CONSUMER SOCIETY: A SIMULACRUM OR REALITY

I.V. Stepanov*, T.G. Stotskaya**

*Samara State Technical University, Samara

**Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara

The article is aimed at the philosophical analysis of Jean Baudrillard's ideas on the nature of wars and death in the consumer society. On the basis of the study of his works, the authors reveal the meaning of Baudrillard's approach to the nature of contemporary armed conflicts as a part of hyper-reality. Special attention is paid to the criticism of theoretical foundations and practical application of Baudrillard's doctrine.

Keywords: *war, simulacrum, simulation, consumer society.*

Об авторах:

СТЕПАНОВ Иван Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара. E-mail: stivan1981@mail.ru

СТОЦКАЯ Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», г. Самара. E-mail: stotskaya@yandex.ru

Author information:

STEPANOV Ivan Viktorovich – PhD, Associate Prof. of Dept. of Philosophy, Samara State Technical University, Samara. E-mail: stivan1981@mail.ru

STOTSKAYA Tatiana Gennadievna – PhD, Prof. of the Dept. of Social sciences and humanities, Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara. E-mail: stotskaya@yandex.ru